

ВИКА ПЛАМЯ

МРИ
МУЖА
ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ
ДИПЛОМАТИИ

Вика Пламя

**Три мужа для
принцессы дипломатии**

«Литнет»

2025

Пламя В.

Три мужа для принцессы дипломатии / В. Пламя — «Литнет», 2025

Она знала законы физики, но не знала, что ими можно убивать. Пока не проснулась в теле жертвы. Анна всегда думала, что ее ждет скучная жизнь среди формул и лабораторий. Она ошиблась. Теперь она — та, кого все ненавидят. Ее мужа — принц, солдат и гений — подозревают неладное. Ее враги готовы убить снова. А ее единственный шанс — разгадать тайну гибели первой Аэллы, пока космическая Академия не стала ее гробницей. Добро пожаловать на борт «Одиссея», где дипломатия — это оружие, а любовь — самая опасная ловушка. В книге будут: нежная героиня; героиня попаданка властные и сильные мужчины : другие рассы; истинная любовь.

© Пламя В., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Последнее, что я почувствовала, — это запах мела и раскаленный металл. Грохот. Осколки учебной доски, летящие на меня звездной пылью. Мысли об уравнениях Кеплера, которые я так и не успела дописать для своего десятого «Б». Глупая, нелепая мысль: «Кто-то же должен будет выставить им итоговые оценки...»

А потом — тишина. Небытие.

Я не ожидала, что смерть пахнет... лавандой.

Нежная, чуть сладковатая нота витала в воздухе, настойчиво возвращая меня к реальности. Я лежала на чем-то невероятно мягком, а сквозь закрытые веки давил яркий, неестественно белый свет.

«Лаванда. Почему лаванда? В школьном спортзале, куда нас эвакуировали, пахло пылью и потом».

Я попыталась приоткрыть глаза, и острая боль, будто раскаленный гвоздь, вонзилась в висок. Не в физический висок Анны Смирновой, учительницы физики с окраины Москвы. А... куда-то ещё. Чужой.

«Голова болит не там», — пронеслось обрывком мысли, липкой и пугающей.

Я заставила себя открыть глаза. Потолок над головой был не из бетонных плит, а из переплетения голографических линий, мерцающих нежным синим светом. Я медленно повернула голову — тело отозвалось тупой ломотой, будто после долгой болезни. Комната. Не комната — каюта. Строгие, обтекаемые формы, никаких лишних деталей. На столе у стены стоял прозрачный куб, внутри которого плавали и переливались капли света, издавая едва слышное жужжание.

Паника, холодная и тошнотворная, подступила к горлу. Где я? Лагерь для пострадавших? Но таких технологий не существует. Эксперимент? Сон?

Я попыталась сесть, и мой взгляд упал на руку, лежащую на шелковом покрывале. Длинные, тонкие пальцы. Идеально ухоженные ногти с перламутровым маникюром. Кожа — бледная, почти фарфоровая, без единой знакомой родинки, без шрама от ожога утюгом, который я заработала в четырнадцать лет.

Это не моя рука.

Я сдержала крик, судорожно сглотнув ком в горле. Соскочив с койки, я огляделась в поисках чего-то знакомого, чего-то своего. В углу комнаты стояла большая панель из черного стекла. Дрожа, я подошла к ней.

Панель мерцала и ожила, отразив моё лицо.

Я увидела незнакомку. Девушку лет девятнадцати. Ослепительной, почти нереальной красоты. Лицо с идеальными чертами, большие глаза цвета весеннего неба, обрамленные густыми темными ресницами. Иссиня-черные волосы ниспадали волнами на хрупкие плечи. На лбу алел небольшой, изящный рубиновый камень, вправленный в кожу.

Я подняла руку — и девушка в отражении сделала то же самое. Я коснулась своего лица — и она прикоснулась к своему. Холодная гладкость под пальцами. Ничего родного.

Это я.

В голове что-то щелкнуло, и хлынул поток чужих воспоминаний. Обрывки. Звук имени, произнесенного с презрением: «Аэлла Авалор». Вспышка гнева на красивом, искаженном злобой лице мужчины в форме. Зеленый свет симулятора. Крики. Острая боль.

Я отшатнулась от зеркала, прислонившись спиной к холодной стене. Сердце бешено колотилось в груди, в этой чужой, слишком хрупкой груди.

Анна Смирнова умерла под завалами своей школы. Аэлла Авалор... что случилось с Аэлой Авалор?

Дверь в каюту с тихим шипением отъехала в сторону. На пороге стоял тот самый мужчина из обрывков памяти. Высокий, с жестким взглядом стальных глаз и шрамом через бровь. Его мундир капитана космического флота сидел на нем безупречно.

Он посмотрел на меня с таким ледяным презрением, что по спине пробежали мурашки.

– Встать, Авалор, — его голос был низким и не терпящим возражений. — Совет ждет объяснений. Твои игры едва не похоронили весь экипаж «Одиссея». На этот раз тебе не отбрезаться связями твоего клана.

Я, Анна Смирнова, которая за минуту до этого думала о контрольной по физике, должна была дать объяснения. Какому-то Совету. По поводу чего-то, чего я не делала. В теле красивой, явно нелюбимой всеми стервы.

Капитан скрестил руки на груди, ожидая. В его взгляде читалась не просто ненависть. Была в нем тень чего-то еще. Подозрения? Знания?

Я сделала шаг вперед, пытаясь скрыть дрожь в ногах.

«Господи, — пронеслось в голове. — Что я должна сказать?»

И в этот момент я поняла, что самое страшное — не смерть. Самое страшное — это проснуться в чужой жизни, где ты уже всем враг, и не иметь ни малейшего понятия, как в ней выжить.

Глава 2

Его слова повисли в воздухе, тяжелые и звенящие, как стальной клинок. *«Совет ждет объяснений. Твои игры...»* Мой разум, разум Анны Смирновой, лихорадочно работал, отфильтровывая панику и пытаясь выстроить логическую цепочку. Капитан. Космический корабль. Совет. Обвинения.

Я сделала еще один шаг, стараясь, чтобы походка была уверенной, как у той, Аэллы. Но ноги подкашивались. Это тело было слабее моего, привыкшего таскать кипы тетрадей.

— Капитан, — мой голос прозвучал чужим, мелодичным и слишком высоким. Я попыталась сделать его ниже, тверже. — Состояние... не позволяет мне давать четкие показания. Ядро симулятора... дало сбой. Была вспышка.

Я выдумала это на ходу, опираясь на обрывок памяти — зеленый свет, боль. Физика была моей стихией. Сбой энергетического ядра — логичное объяснение.

Капитан — Джеймс Рейн, как будто кто-то подсказал мне его имя — усмехнулся. Усмешка была холодной и неверящей.

— Сбой? — он медленно вошел в каюту, и пространство словно сжалось. От него исходила аура не просто власти, а привычки командовать и уничтожать. — Удобно. Ты всегда находишься в эпицентре «сбоев», Авалор. На этот раз погибли три курсанта. Виртуально? Пока да. Но в следующий раз это будет настоящая кровь.

Три человека. Чувство вины, острое и жгучее, кольнуло меня, хотя я не была к этому причастна. Но я была в теле виновной. Мне предстояло нести за это ответ.

— Я понимаю, — выдавила я, глядя куда-то мимо его плеча, на мерцающие голограммы потолка. — И я готова нести ответственность. Но чтобы дать точные показания, мне нужен доступ к логам симулятора. Данные телеметрии.

Рейн замер, и в его стальных глазах мелькнуло неподдельное изумление. Похоже, прежняя Аэлла не была знакома с такими понятиями, как «логи» и «телеметрия». Ее инструментами были капризы и манипуляции.

— Телеметрию изучают техники, — отрезал он. — Твоя задача — объяснить Совету, зачем ты в одиночку зашла на закрытый полигон и попыталась переписать протоколы дипломатического протокола.

Дипломатический протокол? Значит, Аэлла была дипломатом? Картина понемногу складывалась, как страшный пазл.

— Иногда для понимания дипломатии нужно понять систему изнутри, — нашла я, продолжая гнуть свою линию. Это была чистая импровизация, отчаянная попытка выиграть время. — Я действовала... опрометчиво. Но с намерением понять глубину процесса.

Он изучающе смотрел на меня несколько секунд. Тишина стала давящей.

— Одевайся, — наконец бросил он, разворачиваясь к двери. — Совет собирается через двадцать минут в зале «Омега». И, Авалор... — он обернулся на пороге, и его взгляд был подобен прицелу. — Не пытайся юлить. На этот раз тебе не спастись щедростью твоего отца.

Дверь закрылась, оставив меня наедине с новой реальностью. Двадцать минут. Что надеть? Где здесь вообще одежда?

Я бежала каюту взглядом и заметила встроенный в стену шкаф. Легкое прикосновение к панели — и створки бесшумно раздвинулись. Внутри висели несколько комплектов формы — строгие костюмы темно-синего цвета с серебряными аксельбантами, и одно парадное платье невероятного кроя, переливающееся, как крыло бабочки. Я сгребла первый попавшийся комплект формы. Ткань оказалась умной — она подстроилась под изгибы тела, которое мне не принадлежало.

Следующая задача — добраться до зала «Омега». Я вышла в коридор. Он был бесконечным, чистым, освещенным холодным светом. Мимо проплывали другие люди в такой же форме. Их взгляды, полные неприкрытой неприязни, любопытства и страха, впились в меня со всех сторон. Шепоток, который затихал при моем приближении, был красноречивее любых слов. Аэллу Авалор здесь не просто не любили. Ее боялись и ненавидели.

«Хорошее начало, Анна, — подумала я с горькой иронией. — Проснуться в теле самого ненавистного человека на корабле».

Я шла, пытаюсь выглядеть так, будто знаю дорогу, и в то же время отчаянно ища хоть какой-то указатель. Мое спасение пришло с неожиданной стороны. Из-за угла появился высокий, худой юноша. Его кожа была бледной, почти фарфоровой, а большие, полностью черные глаза смотрели на мир с отстраненным любопытством. Длинные серебристые волосы переливались под светом ламп. Он был не человеком. Кей'танец. Элион Зор.

Он остановился, увидев меня, и его тонкие брови поползли вверх. Но не из-за неприязни, а от удивления.

— Аэлла? — его голос был тихим, мелодичным. — Ты... излучаешь по-другому.

Мое сердце екнуло. *«Излучаешь»*. Он чувствовал что-то. Видел разницу.

— Сбой в симуляторе, — быстро ответила я, повторяя свою легенду. — Я не совсем пришла в себя. Не подскажешь дорогу к залу «Омега»?

Элион смотрел на меня с тем же научным интересом, с каким я когда-то разглядывала под микроскопом инфузорий.

— Похоже, и впрямь серьезный сбой, если ты забыла дорогу в свой любимый зал судилищ, — заметил он беззлобно. — Иди по этому коридору до конца, затем налево. Третий портал.

— Спасибо, — кивнула я и хотела было пройти мимо, но он мягко остановил меня.

— Подожди. Твое эмоциональное поле... оно хаотичное. Испуганное. Но не злое. Раньше оно всегда было злым, когда тебя вызывали к Совету. — Его черные глаза сузились. — Интересно. Очень интересно.

Он развернулся и ушел, оставив меня с новым поводом для паники. *Он знает. Или догадывается.*

У меня не было времени на раздумья. Я побежала в указанном направлении, нашла массивные двери с вывеской «Омега» и, сделав глубокий вдох, толкнула их.

За круглым столом из черного дерева сидели несколько серьезных мужчин и женщин в адмиральских мундирах. Рейн стоял чуть поодаль, скрестив руки. В центре стола плавала голограмма корабля, на борту которого я, по-видимому, и находилась — «Одиссей».

Все взгляды устремились на меня. В них не было ни капли сочувствия. Только холодное ожидание расправы.

— Курсант Авалор, — начал седовласый адмирал в центре. — Капитан Рейн доложил о вашем самоуправстве, приведшем к критическому отказу дипломатического симулятора и гибели трех виртуальных экипажей. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Я стояла перед ними, тридцатидвухлетняя женщина в теле девятнадцатилетней девушки, затерянная в чужом времени и пространстве. У меня не было связей, не было власти, не было знаний о правилах этого мира.

Но у меня был острый ум, до зубов вооруженный законами физики, и отчаянная воля к выживанию.

— Господа члены Совета, — начала я, и мой голос, к моему удивлению, прозвучал четко и твердо. — Я не буду оправдываться. Я предлагаю вам решение. Позвольте мне доказать, что этот инцидент — не саботаж, а ключ к обнаружению системной уязвимости, которая может стоить нам гораздо больше, чем три виртуальные жизни.

Я не знала, что это за уязвимость. Но я знала, что должна была ее найти. Потому что альтернатива — быть сломленной этой системой — меня не устраивала. Впервые за долгие годы я чувствовала не страх, а азарт. Игра началась.

Глава 3

Мое заявление повисло в наступившей тишине. Казалось, даже голографические проекторы замерли. Я видела свои слова — «системная уязвимость» — висящими в воздухе между мной и суровыми лицами членов Совета. Я сама не до конца понимала, что именно имела в виду, но отступить было некуда. Это был единственный шанс перевести себя из разряда преступницы в категорию ценного специалиста.

Седовласый адмирал, представившийся как Харлан Рейн (однофамилец капитана? Или родственник?), медленно поднял бровь. — Уязвимость, курсант Авалор? — его голос был обволакивающе-опасным, как шелковая петля. — Объясните. И имейте в виду, что каждая ваша слово будет проверяться и перепроверяться.

Я почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот. «*Проверяться*». Мне нужна была теория, которая звучала бы достаточно убедительно, но при этом не требовала немедленного практического подтверждения. Что-то из области фундаментальной физики. Что-то, что не смогли бы легко опровергнуть.

— Симулятор дипломатического протокола, — начала я, стараясь говорить медленно и вдумчиво, выигрывая время для формулировок, — основан на квантовой эмуляции сознания, верно? Создание реалистичных моделей поведения на основе нейросетевых алгоритмов.

Адмирал Рейн кивнул, не отрывая от меня взгляда. Капитан Рейн смотрел с нескрываемым скепсисом, но в его глазах читалось любопытство.

— Стандартные протоколы безопасности, — продолжала я, — настроены на отслеживание внешних атак, попыток взлома извне. Но они не учитывают внутренней резонансной неустойчивости самой системы. При определенной нагрузке на подпрограммы эмоционального моделирования — например, при симуляции высокострессовой дипломатической ситуации с множеством переменных — может возникнуть каскадный сбой. Эффект бабочки в цифровом пространстве.

Я делала вид, что смотрю на адмирала, но краем глаза ловила реакцию других. Один из техников, сидевший справа, непроизвольно кивнул, увлеченный мыслью.

— Я не пыталась переписать протоколы, — заявила я твердо, переходя в контратаку. — Я проводила стресс-тест. Несанкционированный? Да. Опасный? Безусловно. Но необходимый. Потому что если эту уязвимость не устранить, то в реальной переговорной ситуации с той же расой Коргав, о которой все говорят, наш симулятор не просто даст сбой. Он сгенерирует ошибочную дипломатическую модель, которая приведет к катастрофе. Я чуть не поплатилась за это виртуальной жизнью, но я получила данные.

Я закончила и, к своему удивлению, обнаружила, что дышу ровно. Ложь, замешанная на полуправде, лилась удивительно легко. Я ведь и вправду верила в то, что говорила. В конце концов, любая сложная система имеет уязвимости.

Адмирал Рейн перевел взгляд на капитана Рейна. — Капитан? Ваша оценка?

Джеймс Рейн медленно разжал скрещенные на груди руки. Его взгляд был все таким же жестким, но в нем появилась тень профессиональной заинтересованности. — Теория курсанта Авалор... имеет право на существование. Проверить ее можно только одним способом.

— Каким? — спросил адмирал.

— Дать ей доступ к данным, — отчеканил Рейн. Его стальные глаза впились в меня. — Под моим строжайшим контролем. И в режиме полной изоляции. Если она найдет эту «уязвимость» и докажет ее — инцидент будет исчерпан. Если нет... — Он не договорил, но по его тону было ясно, что последствия будут куда страшнее простого отчисления.

Сердце упало. Мне дали ровно ту веревку, на которой я сама попросилась повеситься. Теперь мне предстояло не просто врать, а реально найти брешь в системе, о которой я не имела ни малейшего понятия.

— Принято, — кивнул адмирал Рейн. — Курсант Авалор, вы отстраняетесь от общих занятий. Все ваше время будет посвящено анализу данных симулятора. Капитан Рейн ваш куратор. Докладывать ему ежедневно. Совет удаляется.

Стулья заскрипели. Члены Совета начали выходить, бросая на меня взгляды, в которых смешались недоверие и любопытство. Рейн подошел ко мне, когда зал почти опустел.

— Лаборатория анализа на палубе семь, сектор Гамма, — бросил он без предисловий. — Через пятнадцать минут. Не опаздывайте.

Он развернулся и ушел, оставив меня одну в центре огромного зала. Голограмма «Одиссея» все еще плавала в воздухе, казалось, насмехаясь надо мной. Я выиграла отсрочку. Но цена оказалась непомерно высокой.

Мне нужно было найти выход. И единственная зацепка, которая у меня была — это странный взгляд кей'танца, Элиона Зора. *«Ты излучаешь по-другому»*. Может быть, он знал что-то о симуляторе? Или о том, что на самом деле произошло с Аэллой?

Я медленно вышла в коридор. Мне нужно было найти лабораторию. Или найти сначала Элиона. И то, и другое казалось одинаково опасным. Воздух был стерильно-холодным и пах озоном, словно после грозы, но здесь не было места ничему природному. Только мерцающий свет люминесцентных ламп, отбрасывающий синеватые тени на стены цвета стали.

Шаг за шагом, следуя указаниям на стенах, я добралась до лифта. Каждый мой шаг отдавался гулким эхом в безлюдной тишине, и я ловила себя на мысли, что затаив дыхание, стараясь стать невидимой для этой пустоты. Нажимая кнопку, я поймала свое отражение в полированной поверхности двери. Та самая ослепительная красавица с рубиновой каплей на лбу смотрела на меня с немым вопросом. Ее глаза — *мои глаза* — были полны животным ужасом, который контрастировал с безупречной маской спокойствия на ее лице.

«Что ты наделала, Анна?» — пронеслось в голове.

Но ответа не было. Было только тиканье воображаемых часов и бездна проблем, в которую я прыгнула с головой, спасая свою новую, чужую жизнь

Глава 4

Лифт бесшумно домчал до палубы семь. Тишина после его мягкого отбытия была настолько гнетущей, что на мгновение мне показалось, будто я оглохла. Сектор «Гамма» оказался стерильным, почти пустынным пространством. Холодный свет панелей в полу подчеркивал безупречную чистоту металлических стен, где даже пылинке не было места. Воздух был неподвижен и пахнул озоном, как после грозы, и той особой, техногенной тишиной, которая гудит в ушах. Дверь в лабораторию анализа, отмеченная мерцающей синей полосой, была единственным источником жизни в конце этого безжизненного, длинного коридора-склепа.

Я сделала шаг, и дверь бесшумно отъехала в сторону. Помещение было залито призрачным голубоватым сиянием десятков голографических проекций. Они висели в воздухе, наслаиваясь друг на друга, создавая сложную паутину из данных и диаграмм. В центре этого светового хаоса, как сердце системы, медленно вращалась знакомая модель — та самая, что я видела в зале Совета. Но теперь она была живой: испещрена мерцающими линиями кода, которые струились по ее поверхности, и пульсирующими энергетическими потоками, бившимися в ее ядре.

Рейн уже был там. Он стоял спиной, его неподвижная поза выдавала полную поглощенность данными. Казалось, он был частью этого интерфейса, еще одним терминалом, встроенным в систему.

— Опоздала на две минуты, — произнес он, не удостоив меня поворотом головы. Его голос был ровным, но в нем чувствовалась та же сталь, что и в стенах коридора. Он не видел меня, но ощущал с абсолютной точностью, словно еще один радар в этом стерильном пространстве. — Система ждет вашего доступа, Авалор. Приступайте.

Я подавила вздох и подошла к главному терминалу. Его поверхность была гладкой и черной, но от прикосновения загоралась сложными узорами. Интерфейс, безусловно, был интуитивным, но его логика была мне чуждой. Незнакомые иконки, символы, напоминающие древние руны, бешеные потоки данных — все это сливалось в ослепительный вихрь. Я растерянно провела пальцем по экрану, пытаюсь поймать хоть какую-то зацепку, найти начало этого клубка. Пауза затянулась, став красноречивее любых слов.

— Логи симулятора, — раздался его голос, сухой и безразличный, но я уловила в нем едва уловимую, отточенную годами насмешку. Он даже не смотрел на мои мучения, но читал их по звуку моего дыхания, по нерешительности моих движений. — Раздел «Критические события». Временная метка — сегодня, 14:30 по корабельному времени.

Я кивнула, сжимая пальцы в кулак, чтобы скрыть предательскую дрожь. Глубокий вдох. Мне повезло — базовые принципы системного анализа оказались универсальными, как таблица умножения. Сквозь хаос незнакомых символов я смогла вычленить знакомую логику: древовидные структуры каталогов, временные шкалы, фильтры. Сердце заколотилось чуть менее отчаянно, когда я нашла нужный раздел и вызволила из недр системы заветный массив файлов.

Данные обрушились на меня настоящим водопадом, ослепляя и оглушая. Голографические экраны вспыхнули десятками окон: стремительные графики потребления энергии, запутанные схемы активности нейросетей, бесконечные свитки протоколов диалогов, написанные на тарабарском техническом жаргоне, где знакомые слова сплетались в невообразимые термины. Это был чужой язык, и я была здесь немой.

Я погрузилась в изучение, отсекая все лишнее. Сознание сузилось до точки, отфильтровывая визуальный шум. Я искала иголку в стоге сена — аномалии, скачки, малейшие несоответствия в идеальной, на первый взгляд, картине. Минуты растягивались, теряя связь с реальным временем, превращаясь в субъективные часы напряженного молчания, нарушаемого лишь почти неслышным жужжанием серверов.

А еще было его присутствие. Рейн не издавал ни звука, но я чувствовала его взгляд, тяжелый и неотступный, будто гиря на плечах. Он молча наблюдал, стоя в нескольких шагах, и эта молчаливая оценка давила сильнее любого крика. Казалось, он читал не только данные на экранах, но и каждую мою мысль, каждую секунду сомнения, проступающую на моем лице.

Внезапно я заметила нечто странное. За секунду до «сбоя» произошел крошечный, почти незаметный всплеск энергии в контуре эмуляции эмоций. Не внешний, а внутренний, как если бы система получила команду от самого себя. Команду на самоуничтожение.

— Капитан, — я повернулась к нему. — Посмотрите.

Он приблизился, и я почувствовала исходящее от него тепло. Он внимательно изучил график.

— Статистическая погрешность, — отмахнулся он.

— Нет, — я возразила, забыв на мгновение о роли. Учительский тон прозвучал сам собой. — Видите паттерн? Это не случайность. Это... сигнал. Очень слабый, замаскированный под шум. Кто-то внедрил в симулятор скрытую команду.

Рейн нахмурился. Моя уверенность, видимо, произвела на него впечатление.

— Докажите, — коротко бросил он.

Это был шанс. Единственный.

— Мне нужен доступ к архивам предыдущих инцидентов с симулятором, — сказала я. — И... помощь специалиста по ксенолингвистике. Элиона Зора. Его способности могут помочь расшифровать природу этого сигнала.

Просьба была рискованной. Привлекать постороннего. Но я помнила его слова: «Ты излучаешь по-другому». Если он почувствовал разницу, возможно, он почувствует и нечто в этих данных.

Рейн задумался. Молчание снова стало тягучим и невыносимым.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Но помните, Авалор. Любая ваша ошибка станет последней. Для вас обоих.

Он вышел, оставив меня наедине с голографическими схемами и нарастающим ужасом. Я была на шаг ближе к разгадке. Но каждый шаг вперед затягивал меня в паутину интриг глубже. Кто-то на корабле хотел смерти Аэллы. И теперь этот кто-то знал, что я жива. И что я ищу ответы

Глава 5

Приказ Рейна сработал быстрее, чем я ожидала. Не прошло и десяти минут, как дверь в лабораторию бесшумно отъехала, впуская высокую, почти бесплотную фигуру Элиона Зора. Он вошел не как солдат — стремительно и четко, а как тень, плавно влившаяся в полумрак. Его большие, несоразмерно яркие на бледном лице глаза, казалось, не нуждались в адаптации к свету. Они сразу же нашли меня в хаосе мерцающих голограмм, приковав к месту.

— Капитан сообщил, что моя помощь потребовалась для анализа аномалии, — его голос был ровным, шелестящим, как страницы древнего фолианта. Но во взгляде, неподвижном и пристальном, читался живой, ненасытный интерес, резко контрастирующий с внешней апатией. Он приблизился к терминалу легкой, скользящей походкой, не сводя с меня темных зрачков. — И что именно ты обнаружила, Аэлла?

Он намеренно сделал паузу перед моим именем, произнеся его с едва уловимой растяжкой. И в этой интонации прозвучал немой вопрос «Ты ли это?»

Под этим взглядом к горлу подкатил ком. Я заставила себя отодвинуться, жестом приглашая его к данным, и указала на злополучный оранжевый всплеск, все еще пульсирующий на временной шкале.

— Вот здесь. За мгновение до коллапса. — Мой собственный голос показался мне чужим. — Это не внешнее воздействие. Слишком... элегантно. Это похоже на... скрытую команду. Вирус, встроенный прямо в эмоциональные паттерны симулятора. Как ключ, повернутый в замке.

Элион склонился над терминалом, его тень слилась с тенями от голограмм, став частью этой цифровой пустоты. Его длинные, тонкие пальцы, больше похожие на хищные щупальца, замерли в сантиметре от сенсорной панели. Он не касался ее. Он просто впитывал информацию взглядом, будто мог видеть сам код, просто вглядываясь в мерцающий экран, считывая его на каком-то недоступном мне, психическом уровне.

— Интересно, — прошептал он, и его шепот был похож на скрип старого дерева. — Энергетический отпечаток... он чужой. Но не полностью. В нем есть... узнаваемые ноты.

— Что это значит? — не удержалась я, и мой вопрос прозвучал громче, чем я хотела, выдавая страх.

Он медленно, как манекен на шарнирах, повернул ко мне голову. В его бездонных черных глазах, как в черных зеркалах, отражались искаженные, пляшущие фигуры голограмм.

— Это значит, — произнес он с ледящей душу четкостью, — что тот, кто это сделал, хорошо знаком с архитектурой наших систем. Проходил обучение. Имел доступ. Но его психический след... он другой. Искраженный. Чужеродный. Агрессивный.

Ледяная полоса прошла у меня по спине, заставив содрогнуться. *Чужеродный. Агрессивный.* Как те существа с Коргава, о которых мы слышали лишь в ужасающих отчетах? Но капитан Рейн говорил, что инцидент — сугубо внутреннее дело Академии. Ложь? Или неведение?

— Можешь... почувствовать подробнее? — осторожно спросила я, почти боясь услышать ответ.

Элион на мгновение закрыл глаза. Его веки сомкнулись, и бледное лицо стало почти прозрачным, восковым. Казалось, он вслушивался в тишину, но не в ту, что окружала нас, а в ту, что скрывалась за шумом данных.

— Хаос, — выдал он, и на его лбу выступили капельки пота. — Жажда разрушения. Но не слепая. Не ярость. Целенаправленная. Холодная. Как скальпель. Это не случайная атака, не взрыв. Это была казнь. Точечное устранение.

Он открыл глаза, и они снова впились в меня с тем же гипнотизирующим, нечеловеческим любопытством. В них теперь читалось нечто новое — не просто интерес, а предостереже-

ние.
 — Кто бы ты ни была, — тихо сказал он, — знай. Тот, кто пытался тебя уничтожить, не остановится. Он почуял твой новый... аромат. И он заинтересовался.

Прежде чем я успела что-то ответить, дверь снова бесшумно отъехала, впуская в стерильное пространство лаборатории новый, напряженный электрический заряд. На пороге стоял Тир. Его высокую, мощную фигуру обрамлял свет коридора, а золотистые глаза с вертикальными зрачками медленно, с хищной точностью, обвели комнату. Его взгляд задержался на мне — оценивающий, на Элионе — настороженный, на голографических схемах — любопытный. Кожанные гребни на его предплечьях слабо пульсировали тревожным алым цветом, выдавая внутреннее напряжение, которое его лицо, непроницаемое и гордое, скрывало безупречно.

— Капитан Рейн проинформировал меня о вашем расследовании, — произнес он, и его голос, низкий и обволакивающий, как дым от редких благовоний его родного мира, заполнил тишину. — Как представитель дракарианской дипломатической миссии, я счел нужным лично проконтролировать процесс. Безопасность «Одиссея» — общий интерес, не так ли?

Он вошел, и пространство лаборатории снова сжалось, стало тесным и душным. Теперь я была зажата между тремя этими мужчинами, каждый из которых был опасен по-своему. Рейн — прямой и недвусмысленной угрозой дисциплины, Элион — своим проникающим в самое нутро знанием, а Тир — своей абсолютной непроницаемостью и скрытыми мотивами, уходящими корнями в политику далеких звезд.

— И каковы ваши выводы, принц? — спросил Элион, не отрываясь от экрана, но в его ровном тоне чувствовалась легкая насмешка.

— Мои выводы, — Тир приблизился ко мне, и я почувствовала исходящее от него сухое тепло, словно от раскаленных камней пустыни, и слабый, пряный запах песка и чуждых специй, — что наша дорогая Аэлла неожиданно проявила недюжинные... аналитические способности. Столь резкая трансформация после стольких лет заурядности не может не вызывать вопросов.

Его взгляд скользнул по моему лицу, изучающий, оценивающий, будто я редкий артефакт, нуждающийся в атрибуции.

— Возможно, нам стоит обсудить это в более... приватной обстановке. Без посторонних глаз и ушей.

Глава 6

Элион фыркнул, короткий и сухой звук, но не стал спорить. Рейн, наблюдавший за всей этой сценой с порога, скрестив руки на груди, мрачно хмыкнул.

— Обсуждайте где хотите. Но отчет на моем столе к завтрашнему утру. Авалор, вы пока не свободны. Тир, ваше участие признано. Зор, — он кивнул в сторону кей'танца, — оставайтесь на связи. Я буду ждать вашего заключения по... энергетическому следу.

Он развернулся и ушел, его тяжелые, мерные шаги затихли в коридоре. Он оставил меня наедине с принцем-дракарианином и эмпатом-загадкой. Воздух снова наэлектризовался, стал густым и тяжелым.

— Ну что же, — Тир мягко, но с железной настойчивостью взял меня под локоть. Его прикосновение было твердым и не допускающим возражений, обещая не защиту, а контроль. — Я полагаю, нам есть о чем поговорить. Например, о том, кто ты на самом деле и почему твое присутствие заставляет вибрировать энергетические поля корабля так, как будто в его сердце запустили чужеродный кристалл.

Мои ладони стали влажными и ледяными. Игра, в которую я ввязалась, стремительно меняла правила. Теперь в нее играли не на жизнь, а на правду. Самую страшную правду, которую я не могла открыть никому. Правду, что могла стоить мне не просто карьеры, а всего.

Апартаменты принца Тира были не похожи на стандартные каюты «Одиссея». Здесь пахло дымом и чужими специями, а свет приглушали до мягкого сияния, имитирующего закат на его родной планете. Тир отпустил мою руку и жестом предложил низкое кресло, похожее на чашу из полированного темного дерева.

— Теперь, — он устроился напротив, его золотистые зрачки сузились в полоски, — давай отбросим церемонии. Аэлла Авалор, которую я знал, была испорченным, капризным ребенком с замашками интриганки. Она не смогла бы отличить квантовый сбой от пищевого отравления в репликаторе. А ты... — он медленно провел рукой по воздуху, словно осязая ауру вокруг меня, — ты говоришь на языке систем, которого не знала. Ты пахнешь... страхом. Но не тем истеричным страхом, к которому я привык. А страхом разумного существа, попавшего в ловушку.

Я сжала пальцы на подлокотниках кресла, чувствуя, как бархатистая древесина отдает тепло.
— Стрессовая ситуация может изменить человека, — попыталась я парировать, но мой голос прозвучал слабо даже для меня самой.

— Не до неузнаваемости, — парировал Тир. Его губы тронула едва заметная улыбка. — Я дракарианец. Мы чувствуем ложь на инстинктивном уровне. Ты не лжешь сейчас. Ты уклоняешься. Это интереснее.

Он наклонился вперед, и его гребни на спине вытянулись, словно у настороженного хищника.
— Предположим, — тихо сказал он, — что в теле Аэллы Авалор говорит кто-то другой. Пришелец? Дух? Результат неудачного эксперимента? Неважно. Важно то, что этот «кто-то» уже в центре интриги. Кто-то могущественный попытался стереть Аэллу с лица галактики. И теперь этот кто-то увидит, что попытка не удалась. Более того, его цель внезапно проявила неожиданную стойкость и ум. Ты стала для него не просто ошибкой, а угрозой, которую нужно изучить и устранить.

Его слова падали, как камни, в тишину комнаты. Он видел насквозь. Гораздо глубже, чем я могла предположить.

— Зачем ты мне все это говоришь? — выдохнула я. — Чтобы запугать?

— Чтобы предложить союз, — ответил Тир без колебаний. — Мне не нужна была старая Аэлла. Она была бесполезна. Но ты... Ты можешь быть ценна. Ты видишь вещи под другим углом. В надвигающейся буре, которую несут с собой Коргав, Содружеству понадобятся не

только солдаты, как твой капитан Рейн, и не только чувствительные эмпаты, как кейтанец. Ему понадобятся гибкие умы. Дипломаты, способные на нестандартные ходы.

Он встал и подошел к стене, где в нише пульсировала светящаяся сфера — карта звездных систем.
 — Я могу стать твоим щитом в этом мире, который тебе чужд. Я могу научить тебя его правилам. А ты... ты будешь моим самым неожиданным козырем. Мы можем помочь друг другу выжить. И больше, чем просто выжить.

Это было предложение дьявола. Разумное, взвешенное и невероятно опасное. Стать пешкой в играх дракарианского принца? Но была ли у меня альтернатива? Одиночество в этой враждебной среде было равно смерти.

— А что, если я откажусь? — спросила я, глядя ему прямо в глаза.

Тир повернулся. Его улыбка стала шире, обнажив идеально ровные, чуть слишком острые зубы.
 — Тогда я останусь наблюдателем. И посмотрю, как долго продержится маленькая тайна в теле Аэллы Авалор под натиском ее врагов. Думаю, недолго.

В его тоне не было злобы. Был холодный, расчетливый интерес. Я была для него экспериментом. Живым, дышащим экспериментом.

— Мне нужно время подумать, — сказала я, поднимаясь. Мои ноги немного дрожали.

— Конечно, — он кивнул, словно и ожидал этого. — Но помни, время — роскошь, которую ты себе не можешь позволить. Завтра Совет ждет отчета. И завтра твой покровитель, капитан Рейн, будет ждать результатов. А твой новый друг, эмпат, будет слушать твое молчание. И слышать в нем слишком много.

Он проводил меня до двери. Когда я вышла в холодный, стерильный коридор, его последние слова звучали у меня в ушах.

Я была в ловушке. Со всех сторон. И единственный выход, который мне предлагали, вел в объятия хищника. Но, возможно, это было лучше, чем быть съеденной заживо.

Глава 7

Дорогу до своей каюты я нашла почти без труда — ноги сами несли по знакомым маршрутам, в то время как сознание металось в паническом поиске выхода. Этот автоматизм тела был одновременно пугающим и успокаивающим.

Дверь в мою каюту закрылась с тихим, но окончательным щелчком, отсекая давящую, звенящую тишину корабельных коридоров. Я прислонилась спиной к холодному, гладкому металлу, пытаясь вдохнуть глубже, но воздух казался густым и безжизненным. В голове стоял оглушительный гул, в котором сплетались обволакивающий голос Тира, тревожный оранжевый всплеск в данных, пронзительный, видящий насквозь взгляд Элиона. Чувство было таким же, как в симуляторе, — ловушка захлопывалась со всех сторон, и стены неумолимо сдвигались.

«Ценный козырь...» — шептала одна часть моего сознания, цепляясь за призрачную надежду. «Ты пахнешь иначе...» — отзывалось другим, полным страха, эхом. «Любая ошибка станет последней...» — холодным итогом подводил внутренний голос, звучащий как Рейн.

Мне отчаянно нужен был план. Не просто реакция, а стратегия. Отчет капитану Рейну нельзя было написать на пустом месте — ему требовалось настоящее, железобетонное доказательство уязвимости, а не туманные догадки и псионические ощущения. Но как его найти, не обладая знаниями, опытом, памятью этого мира? Я была слепым котенком в лабиринте, где стены были изощренными технологиями и чужих секретов.

Мой взгляд, блуждающий по стерильному пространству каюты, упал на встроенный в стену терминал. Его панель тускло светила в полумраке. Доступ к данным... Если атака была направлена именно на Аэллу, а не на систему в целом, то ключ мог лежать не в логиках симулятора, а в ее прошлом. Враги. Старые проекты. Конфликты, о которых я не знала. Возможно, тот, кто пытался ее уничтожить, уже оставлял следы раньше.

Собрав волю в кулак, я подошла к терминалу и запустила поиск, используя свои скромные права курсанта. Система отозвалась скухими списками. Большинство файлов, связанных с личным делом Аэллы Авалор, были надежно заблокированы высшим уровнем доступа — красные иконки безжалостно сигнализировали об отказе. Засекреченные медицинские отчеты, детализация миссий, психологические профили — все это оставалось за железным занавесом.

Но кое-что все же просачивалось сквозь фильтры. Публичные записи. Архив академических достижений, расписания дежурств, сухие упоминания в отчетах о командировках. Не алмаз, а жалкая песчинка информации. Но и с нее можно было начать.

Аэлла Авалор. Дипломатический факультет. Специализация: Первый контакт и межрасовые коммуникации.

Строка в официальном досье вспыхнула перед глазами, как сигнальная ракета. *Первый контакт*. Значит, она работала на самой острой грани — с неизвестными, потенциально враждебными расами. Она могла нажать себе врагов среди них. Или, что было еще вероятнее, среди тех внутри Академии или Федерации, кто был яростно против таких рискованных контактов. Консерваторы, милитаристы, ксенофобы... Мотивов для саботажа могло быть множество.

Сердце забило чаще, когда я углубилась в архив новостей Академии, отфильтровав все по ее имени. И среди унылых упоминаний о успехах в учебе и стандартных дежурствах я нашла это. Всплывающую строку, помеченную как «Инцидент».

Три месяца назад. Станция «Ксенос-7».

Сообщение было составлено в сухих, казенных выражениях, призванных скрыть масштаб трагедии: *«Корабль первого контакта «Инициатива» под руководством курсанта Авалор понес небоевые потери при встрече с неизвестным видом в пограничном секторе Тета. Расследование инцидента продолжается».*

Небоевые потери. Какие именно? Погибшие? Раненые? Детали были тщательно выскоблены, оставляя простор для самых мрачных предположений. Но мое внимание приковала другая строка, последняя в кратком отчете. Фамилия офицера, назначенного ведущим расследования.

Капитан Джеймс Рейн.

Так вот откуда коренится его личная, едва скрываемая неприязнь. Ледяная вежливость, тяжелый взгляд, постоянное ожидание провала. Аэлла была причастна к гибели людей под его командованием или, по крайней мере, к провалу миссии, за которую он отвечал. Его люди. Его ответственность. Но была ли она виновна? Или ее подставили, как подставляют сейчас меня?

Внезапно терминал выдал уведомление. Входящее сообщение. От Элиона Зора.

Текст сообщения: «Энергетический отпечаток аномалии имеет слабые следы пси-подавления. Характерно для расы Коргав. Но инструмент... был другим. Более изощренным. Хочу сверить данные. Лаборатория 7-Гамма. Завтра, 06:00».

Коргав. Значит, Тир был прав? Атака извне? Но тогда кто на корабле мог быть их агентом? Или использовать их технологии?

У меня не было выбора. Элион был единственным, кто предлагал хоть какую-то помощь, основанную не на расчете, а на искреннем интересе. Пусть и научном.

Я отправила короткое согласие и откинулась на подушку. Завтра предстояло новое испытание. А сегодня нужно было хоть немного поспать и попытаться отделить свои мысли от мыслей той, чье тело я теперь занимала.

Сон не шел. Перед глазами стояли лица трех мужчин, чьи судьбы теперь были причудливым образом переплетены с моей.

Джеймс Рейн. Он ненавидел Аэлла. Но будет ли он ненавидеть меня, если узнает правду? Или его солдатская честь заставит защищать невинную жертву?

Элион Зор. Он знал, что я не та, за кого себя выдаю. Но его интересовала не моя сущность, а феномен. Быть подопытным кроликом было унижительно, но это давало шанс.

Тир. Хищник. Он предлагал сделку. Опасливый союз. Быть его пешкой было страшно. Но быть его врагом — смертельно.

Я закрыла глаза, пытаясь вспомнить запах мела и доски. Свой старый, надежный мир. Но вместо этого в ноздри снова ударил сладковатый аромат лаванды — запах чужой жизни, которая, возможно, стоила мне моей собственной.

Завтра будет новый день. И мне предстояло сыграть в нем главную роль.

Глава 8

Дверь в лабораторию была уже открыта, словно меня ждали. Внутри царил полумрак, нарушаемый лишь мерцанием голограмм. Элион стоял у главного терминала, погруженный в свою работу. Его длинные, бледные пальцы порхали над сенсорной панелью с неестественной скоростью, а на экране перед ним пульсировала сложная, многослойная нейросетевая модель, напоминающая клубок светящихся змей.

— Ты пришла, — произнес он, не поворачиваясь, будто мое присутствие было лишь еще одним data-поток в этом море информации. Его голос был ровным, но я, к своему удивлению, уловила в нем легкое, сдерживаемое возбуждение. — Смотри.

Он отступил на шаг, позволяя мне увидеть экран во всей его пугающей красе. Модель напоминала изумительно сложную паутину из переплетающихся светящихся нитей — синих, зеленых, желтых. Но в самом ее сердце, в одном из ключевых узлов, зияла черная, пульсирующая, словно живая, дыра. От нее, как молнии от удара, во все стороны расходились трещины, гася свет соседних нитей.

— Это эмоциональный контур симулятора в момент сбоя, — пояснил Элион, его голос стал тише, почти интимным, как если бы он делился священной тайной. — Черная зона — это и есть та самая команда на самоуничтожение. Та самая «казнь». Но я был не совсем точен вчера. Это не вирус в классическом понимании. Это... чужеродный эмоциональный импринт. Целенаправленный вброс чужого пси-паттерна прямо в ядро системы.

Я сглотнула, смотря на эту визуализацию собственной гибели. *Чужой* гибели. Было странно и жутко видеть свою смерть, оформленную в виде изящной голограммы.

— Импринт Коргав? — уточнила я, вспоминая его вчерашние слова о чужеродной агрессии.

— Нет, — он резко покачал головой, и его серебристые волосы колыхались, словно струи воды. — Отпечаток имеет сходную агрессивную, разрушительную природу, но его структура... структурная сигнатура... сложнее. Тоньше. Отработаннее. — Он повернулся ко мне, и его большие глаза сузились. — Как будто его создали, умело подражая дикому, хаотичному стилю Коргав, но с использованием куда более продвинутых, я бы сказал, изощренных технологий. Это не оригинал. Это подделка. Искусная, чертовски хорошая подделка, предназначенная для того, чтобы сбить с толку и свалить вину на ксенорасу.

Ледяная прозрение пронзила меня.
 — Кто-то пытается все списать на Коргав. Создать видимость их атаки.

— Верно, — в его черных глазах Элиона плясали огоньки. — И этот кто-то имел доступ к ядру симулятора. Физический доступ. Это не удаленная атака.

Физический доступ. Значит, предатель был на корабле. Среди нас.

— Есть способ отследить источник? — спросила я, чувствуя, как учащается пульс. Это была зацепка. Настоящая.

— Теоретически... — Элион снова обратился к терминалу, его пальцы затанцевали с новой энергией. — Каждое подключение, особенно такое мощное, как вброс импринта, оставляет уникальный энергетический след в системе питания корабля. Микровсплеск, который не стереть из общих логов. Если мы сопоставим временную метку импринта с логами энергопотребления всех портов в этом секторе...

Он не договорил, запустив новый, сложный алгоритм перекрестного анализа. На экране замелькали бешеные столбцы данных, графики и цифры, сливающиеся в гипнотизирующую какофонию. Мы замерли, наблюдая, как электронный разум просеивает терабайты информации в поисках одной-единственной иголки. Секунды растягивались в минуты, каждая из которых была наполнена гулом процессоров и собственным громким стуком сердца в ушах.

Внезапно, разрезая тишину, раздался резкий, пронзительный звуковой сигнал. На экране, в самом низу длинного списка, замигал один-единственный идентификатор, выделяясь кроваво-красным.

Сервисный порт 7-Гамма-Эпсилон. Временная метка: 14:29:53.

За секунду до сбоя.

Я тут же, почти рефлекторно, вызвала голографическую схему корабля. Сектор 7-Гамма... Это был наш сектор. Лаборатории, серверные, хранилища данных... И, как червь, точивший мой покой, список кают старшего офицерского состава.

— Этот порт... — я увеличила изображение, пока схема не заполнила все пространство перед нами, и у меня перехватило дыхание. Точка мигала в самом сердце служебного лабиринта. — Он находится в техническом отсеке, смежном с... — я сглотнула, — с каютой капитана Рейна.

Мы с Элионом переглянулись. В воздухе между нами повисло тяжелое, невысказанное, чудовищное предположение. *Капитан?* Неужели это он? Слишком очевидно, слишком рискованно. Или... кто-то невероятно умный и хладнокровный пытался подставить его, зная о его неприязни ко мне?

— Эти данные, — тихо, но с такой стальной четкостью, что не оставалось места для возражений, произнес Элион, — нельзя никому показывать. Ни капитану. Ни принцу. Никому. Это наш ключ. И, возможно, наша смерть, если мы воспользуемся им неверно.

— Но отчет... Рейн ждет его сегодня, — слабо возразила я, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Он не примет отговорок.

— Мы дадим ему другую информацию, — решение созрело в его голове мгновенно, выверено и холодно. — Мы скажем, что нашли следы нестабильности в базовых эмоциональных алгоритмах симулятора. Накопившуюся техническую неисправность. Этого будет достаточно, чтобы снять с тебя прямые подозрения в саботаже. А об остальном... — он пристально посмотрел на меня, и в его бездонных глазах впервые появилось нечто, похожее на человеческую, не псионическую обеспокоенность, — нам нужно подумать. Очень тщательно. Игра только началась, Аэлла. И теперь мы знаем, что один из игроков, похоже, находится в самой команде рефери.

В этот момент дверь в лабораторию с шипением отъехала. На пороге стоял Тир. Он был безупречно спокоен, но его гребни отливали напряженным багровым цветом.

— Надеюсь, я не прервал плодотворную работу, — его голос был медовым, но глаза сканировали нас с холодной точностью. — Капитан Рейн запрашивает предварительный отчет. И, как выяснилось, вчерашний разговор был не совсем... завершен.

Его взгляд скользнул по экрану терминала, который Элион уже успел переключить на нейтральную схему.
— Есть новости? Или вы уже нашли ту самую... уязвимость?

Я почувствовала, как по спине бегут мурашки. Он что-то знал. Или догадывался. Игра в кошки-мышки продолжалась, но теперь мыши было известно чуть больше. Достаточно ли, чтобы перехитрить кошек?

Глава 9

Воздух в лаборатории, и без того насыщенный озоном и тишиной, внезапно стал густым и недышащимся, будто его откачали насосом. Тир стоял на пороге, его высокая фигура блокировала единственный выход. Его поза была нарочито расслабленной, но в каждом мускуле, в напряженной линии плеч, читалась хищная готовность к действию. Он поймал мой взгляд и медленно, почти незаметно, кивнул в сторону терминала, который Элион так старательно пытался сделать безобидным.

— Мы работаем над этим, — парировал Элион, его голос был ровным, как поверхность озера в штиль, но я заметила, как его длинные пальцы непроизвольно сжались в кулак. — Анализ сложных нейросетевых систем требует времени. Нельзя просто —

— Время — роскошь, которую у нас систематически отнимают, — Тир мягко, но неумолимо парировал, делая шаг внутрь. Казалось, комната стала меньше. Его золотистые глаза с вертикальными зрачками, казалось, не просто смотрели, а фотографировали, сканировали каждую деталь: наше с Элионом напряжение, мигающий экран с замершей схемой, неестественную скованность в наших позах, кричащую о скрываемой тайне. — Капитан Рейн не из тех, кто ценит терпение. И, должен заметить, его подозрения в ваш адрес, Аэлла, лишь растут с каждой минутой. Возможно, мне стоит... умерить его пыл. При условии, конечно, что наше сотрудничество будет взаимовыгодным.

Это было прямое предложение. Прямой, неприкрытый шантаж. Он давал понять: либо я принимаю его условия, и он использует свое влияние, чтобы помочь мне отвести подозрения Рейна, либо он может «ненароком» подлить масла в огонь, обернув все против меня.

Элион, казалось, замер, превратившись в статую. Он наблюдал за мной, и в его взгляде читалось нечто большее, чем просто наблюдение — словно он видел не только мое бледное лицо, но и вихрь мыслей, страха и отчаяния, бушующий внутри. Я понимала, что любое мое слово, любой жест сейчас будут иметь необратимые последствия.

— Сотрудничество, — осторожно начала я, заставляя свой голос звучать тверже, чем я чувствовала, и глядя Тиру прямо в его гипнотические глаза, — предполагает обмен информацией. А не односторонние уступки. Что вы предлагаете конкретно?

Уголки губ Тира дрогнули в легком, едва уловимом подобии улыбки. Ему явно понравился мой ответ, моя готовность торговаться.

— Конкретно? На данный момент — свою защиту. Я могу убедить Рейна, что твои... неожиданные аналитические способности... являются следствием скрытого, нераскрытого таланта, пробудившегося под воздействием стресса после инцидента в симуляторе. Стресс — мощный катализатор, это научный факт. А что касается информации... — его взгляд, тяжелый и цепкий, скользнул по терминалу, за которым мы только что стояли, — я полагаю, вы уже кое-что нашли. И это «кое-что» вас напугало. Иначе наш уважаемый кей'танец не пытался бы так неумело скрыть данные и сделать вид, что все это — просто технический сбой.

Элион вздрогнул, словно его ударили током, но промолчал, стиснув зубы. Он понимал, что игра раскрыта. Дракарианец был слишком проницателен.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь насытить кислородом ледяное оцепенение, сковавшее легкие. Идти на сделку с дракарианским принцем было все равно что заключать пакт с пламенем — можно было согреться, а можно было сгореть дотла. Но продолжать скрывать от него найденное, притворяться, что мы ничего не знаем, было еще опаснее. Его проницательность была острее любого клинка.

— Мы нашли след, — тихо сказала я, заставляя слова прозвучать четко, несмотря на дрожь внутри. — Не вирус, а чужеродный эмоциональный импринт. Внедренный через сервисный порт в этом секторе.

Я сознательно не стала уточнять, какой именно порт. Пусть эта деталь, этот адрес, ведущий к каюте капитана, пока останется моим козырем, моей страховкой в этой непредсказуемой игре.

Тир замер. Багровый, тревожный оттенок его кожаных гребней на предплечьях сменился на более глубокий, вдумчивый фиолетовый. Казалось, он на мгновение погрузился внутрь себя, оценивая масштаб открытия.

— Импринт... — он протянул слово, растягивая его, словно пробуя на вкус. — Подделанный под дикий, агрессивный стиль Коргав, но не их. Созданный искусственно. Верно?

Элион и я снова переглянулись. Легкий шок пробежал по моим нервам. Он *знал*. Или догадался с пугающей, почти пророческой точностью.

— Верно, — сухо подтвердил Элион, и в его голосе прозвучало безмолвное признание поражения. Скрыть что-либо от Тира было невозможно.

— Это меняет дело, — Тир медленно скрестил руки на груди, его поза выражала уже не угрозу, а сосредоточенную стратегию. — Это означает, что на «Одиссее» завелась не просто крыса-предатель. Здесь действует высококласный агент, обладающий доступом к продвинутым пси-технологиям и явно желающий спровоцировать полномасштабный конфликт с Коргав, обернув все против Федерации. — Его взгляд, тяжелый и неотрывный, снова упал на меня. — Следовательно, твой отчет капитану Рейну будет следующим: ты обнаружила нестабильность в базовых эмоциональных алгоритмах, вызванную остаточными помехами от нашего последнего сверхсветового скачка. Техническая неполадка, ничего более. Ни слова об импринте. Ни слова о порте.

— А что дальше? — спросила я, чувствуя, как нарастает тревога. — Мы просто будем ждать, пока этот агент нанесет следующий удар? Будем сидеть и гадать, в чью спину воткнут нож?

— Нет, — Тир сделал шаг ко мне, затем еще один, пока не оказался так близко, что я почувствовала исходящее от него сухое, пустынное тепло и уловила тонкий аромат песка и дымчатых специй. — Дальше мы начинаем свою собственную игру. Ты, я... и, полагаю, наш чувствительный друг Зор тоже будет не прочь присоединиться. — Он бросил взгляд на Элиона, который ответил ему молчаливым, но красноречивым кивком. — Мы будем приманкой. Осведомленной приманкой, которая знает, что на нее охотятся, и готова сама стать охотником.

Его план был безумным. Рискованным. Но в его глазах горел азарт, и впервые за все это время я почувствовала не просто страх, а ответную искру. Мы больше не были просто мишенью. Мы становились охотниками.

— Хорошо, — сказала я. — Я в игре.

Элион тихо вздохнул, словно понимая, что его научное наблюдение только что превратилось в нечто гораздо более опасное.

— Тогда начинаем, — прошептал Тир. — Первый ход — за нами.

Глава 10

Отчет капитану Рейну был образцом дипломатического искусства, отточенным под пристальным взглядом Тира. Я говорила об «абберациях в эмоциональных матрицах», о «резонансных помехах от последнего скачка», тщательно обходя любые намеки на целенаправленную атаку. Рейн слушал, не сводя с меня своих стальных глаз. Скепсис в них не исчез, но яростная уверенность в моей вине поутихла, сменившись настороженным анализом.

— Помехи от скачка, — он медленно проговорил, откидываясь в кресле. — Технический отдел не сообщал о подобных инцидентах.

— Это тонкий эффект, капитан, — парировал Тир, стоя чуть позади меня. Его присутствие было ощутимым щитом. — Для его обнаружения требуются... нетривиальные методы анализа. Курсант Авалор проявила неожиданную проницательность.

Рейн перевел взгляд на него. — И ваша роль в этом, принц? Наблюдатель или участник?

— Заинтересованная сторона, — уклончиво ответил Тир. — Стабильность «Одиссея» — в интересах моей миссии. А неординарные таланты стоит поощрять, даже если их происхождение... не совсем ясно.

Они обменялись взглядами, полными невысказанных угроз и оценок. Меня, как игрушку, перекидывали между ними, но теперь у меня была своя, тайная цель.

— Хорошо, — Рейн отложил паdd с моим отчетом. — Инцидент считается исчерпанным. Но вы, Авалор, остаетесь под наблюдением. Ваши следующие шаги будут тщательно изучены. Вы свободны.

Мы вышли из его каюты, и тяжелая дверь с тихим шипением закрылась за нами, отсекая напряженную атмосферу переговоров. Только тогда я позволила себе выдохнуть ту порцию адреналина, что сдавливала грудь, и прислонилась лбом к прохладной, почти живой металлической стене. Дрожь в коленях стала заметной.

— Он не поверил до конца, — прошептала я, больше для себя, глядя в пол. Я видела этот холодный, аналитический блеск в глазах Рейна, когда он принимал наш отчет. Он проглотил версию о техническом сбое, но не переварил ее.

— Ему и не нужно было верить, — раздался спокойный голос Тира. Он стоял рядом, наблюдая, как в дальнем конце коридора скрывается прямая, как клинок, фигура капитана. — Ему нужно было официальное, задокументированное основание, чтобы снять с тебя клеймо прямой преступницы и отозвать ордер на твой арест. Теперь ты — странность. Аномалия. Загадка. А с загадками, — он повернул ко мне голову, и в его глазах мелькнула искорка холодного amusement, — работать гораздо сложнее и дольше, чем с осужденной диверсанткой. У нас появилось время. А теперь идем.

Он тронулся с места своим плавным, бесшумным шагом. Я оттолкнулась от стены и последовала за ним, все еще чувствуя слабость в ногах.

— Куда? — спросила я, едва поспевая за его длинными шагами.

— На урок, — он бросил на меня быстрый, оценивающий взгляд через плечо. — Если ты должна играть роль дипломата с пробудившимся «талантом», тебе придется научиться хотя бы основам. Пока что твои попытки выглядеть убедительной оставляют желать лучшего. И я знаю идеального преподавателя.

Он привел меня в обсерваторию — огромный купол с прозрачным полом и потолком, за которым плыли звезды. И там, в центре сияющего космоса, стоял Элион. Он что-то бормотал себе под нос, его пальцы выводили в воздухе сложные светящиеся символы — дракарианские иероглифы, смешанные с математическими формулами.

— Она согласилась, — произнес Тир, и эхо разнеслось под куполом.

Элион обернулся. Его черные глаза блеснули в свете звезд. — Тогда мы начинаем. Первый урок: язык вселенной — это не слова. Это паттерны. Энергетические сигнатуры. Эмоциональные резонансы. Тот, кто оставил этот импринт, говорил на особом диалекте силы. Мы должны его выучить, чтобы найти говорящего.

Он подошел ко мне, и его палец коснулся моего виска. Не физически, но я почувствовала легкий толчок, будто в сознании что-то щелкнуло.

— Я подключу тебя к остаточному эху от импринта. Это будет... неприятно.

Он не соврал. Мир вокруг поплыл. Звезды закружились, превратившись в водоворот света и тьмы. Я почувствовала невыразимый гнев, холодную, расчетливую жестокость, нацеленную на... на меня. Нет, на Аэлу. Желание стереть, уничтожить, не оставив и следа.

Я закричала, но звук потерялся в вихре. Это было похоже на падение в черную дыру, где единственной реальностью была ненависть.

И тогда, в самом центре этого хаоса, я увидела его. Не лицо. Ощущение. Тень высокого, могущественного существа, чье сознание было таким же холодным и безжалостным, как космос за стеклом обсерватории. И я поняла, что оно меня видит. Что мое вторжение в его след было замечено.

Связь оборвалась. Я рухнула на колени, дрожа всем телом. Элион стоял надо мной, его лицо было бледным.

— Ты увидела? — тихо спросил он.

Я кивнула, не в силах вымолвить слово.

— И оно увидело тебя, — заключил Тир. Его голос прозвучал прямо над моим ухом. Он помог мне подняться. — Охота началась. Теперь приманка знает, на кого вышла. И охотник это почуял.

Я смотрела на бесконечные звезды, все еще чувствуя на себе прикосновение той бездны. Страх был огненным шаром в груди. Но вместе с ним пришло и странное, леденящее душу спокойствие. Враг обрел форму. Из невидимой угрозы он превратился в цель.

— Что теперь? — мой голос был хриплым.

— Теперь, — Тир положил руку мне на плечо, и его прикосновение было уже не угрозой, а союзническим жестом, — мы меняем правила. Мы не будем ждать следующего удара. Мы заставим его сделать ошибку. И для этого тебе предстоит сыграть свою самую опасную роль — вернуться в самое логово врага. На дипломатический прием в честь прибытия нового посла. Туда, где он точно будет.

Глава 11

Прием в честь посла Колдиана был тем самым видом события, ради которого, как мне казалось, изучая архивы, и существовала старая Аэлла Авалор. Бальный зал «Одиссея» сиял, словно его вырезали из цельного куска космической пустоты и наполнили искусственным светом. Громадные люстры, напоминавшие застывшие звездные скопления, отбрасывали на стены и пол тысячи мерцающих бликов, превращая пространство в подобие гигантской, сверкающей драгоценности.

Здесь собрался весь цвет экспедиции. Переливающиеся, словно жидкий металл, ткани платьев дипломатов, холодный блеск ограненных адамантовых камней в волосах жен офицеров, мерцающие, переливающиеся разными оттенками гребни дракарианской знати, нежные, биолюминесцентные узоры, танцующие по коже кейтанцев в такт их пульсу — все это сливалось в ослепительный, дурманный калейдоскоп. Воздух был густым от аромата инопланетных духов, дорогого алкоголя и едва уловимого запаха озона, исходящего от силовых полей.

Я стояла в стороне от главного потока, в платье цвета глубокого космоса — темно-синем, почти черном, с мерцающими серебряными нитями, выстраивающими на ткани причудливые созвездия. Его предоставил Тир, «настоятельно рекомендовав» именно этот наряд. Ткань облегла фигуру, одновременно скрывая и подчеркивая каждую линию, каждый мускул. Я должна была чувствовать себя уверенной, соблазнительной, хищницей, готовящейся к нападению.

Но внутри я была лишь добычей, загнанной в самую пышную и самую тесную ловушку. Каждый смех, доносящийся из толпы, казался отголоском заговора. Каждый скользящий взгляд — попыткой разгадать мою тайну. Я стояла, сжимая в руке бокал с игристым напитком, который даже не осмеливалась поднести к губам, и пыталась дышать ровно, как учил меня Тир во время нашего краткого, интенсивного «урока».

— Помни, — его голос доносился до меня через почти невидимый ком-линк в ухе, — твоя задача — быть заметной. Вспомни все, что знаешь о старой Аэлле. Высокомерие, холодность, язвительность. Ты должна вести себя так, чтобы все подумали, что ты вернулась к своей старой сущности. Это выманит его.

— А что, если он нападет прямо здесь? — прошептала я, глядя на кружащиеся пары.

— Здесь — нет. Слишком много свидетелей. Но он проявит себя. Сделает выпад. Попытается прощупать. Вот тогда мы его и поймаем.

Элион, невидимый где-то на балконе, добавил:
 — Я буду следить за эмоциональным фоном. Любая вспышка направленной агрессии — и мы получим его координаты.

Я сделала глоток прохладного напитка, похожего на нектар, и заставила себя улыбнуться. Холодной, высокомерной улыбкой Аэллы Авалор. Я заметила, как несколько офицеров указали на меня и отошли подальше. Идеально.

Именно тогда я увидела его. Он стоял у колонны, беседуя с высоким дракарианским сановником. Человек. Казалось бы, ничем не примечательный, в мундире офицера связи. Но что-то в его осанке, в том, как он держал бокал — слишком спокойно, слишком неподвижно — заставило мурашки пробежать по моей спине.

— Цель обнаружена, — тихо сказала я в ком-линк. — Офицер связи, седьмая колонна от входа.

— Вижу, — отозвался Тир. — Подходи. Вступи в разговор. Спровоцируй.

Сердце бешено колотилось. Я медленно пересекла зал, чувствуя на себе десятки взглядов. Я подошла к группе, где он стоял, и вставила что-то язвительное о новых дипломатических протоколах, точно копируя манеру речи Аэллы из обрывков памяти. Смешки. Недовольные взгляды. Офицер связи обернулся. Его глаза встретились с моими.

И там не было ничего. Ни злобы, ни интереса, ни любопытства. Пустота. Как у глубоководного существа. Именно это и было самым страшным.

— Капитан Марник, — представился он, и его голос был таким же плоским, как его взгляд. — Рад видеть, что вы оправились после... инцидента.

— Некоторые вещи только закаляют, капитан, — парировала я, высоко подняв подбородок.

— Безусловно, — он слегка наклонил голову. — Ходят слухи, что инцидент в симуляторе раскрыл ваши... неожиданные таланты. Поздравляю.

В его словах не было ни капли искренности. Это была проверка. Он смотрел, как яотреагирую.

— Всегда приятно удивлять тех, кто тебя недооценивает, — сказала я сладким ядом, поворачиваясь к нему спиной в унижительном жесте, который, я была уверена, старую Аэллу бы одобрила.

Я отошла, чувствуя его пустой взгляд у себя в спине.

— Что-нибудь? — спросила я у Элиона.

— Ничего, — прозвучал в ухе его озадаченный голос. — Ни всплеска, ни колебаний. Абсолютный ноль. Как будто он... пустой. Или закрытый наглухо. Так не бывает.

— Он осторожен, — заключил Тир. — Слишком осторожен. Это само по себе — улика.

Я снова оказалась в центре зала, когда внезапно свет померк, и на сцене появился посол Колдиан, чтобы произнести речь. Толпа затихла. И в этот момент я почувствовала легкое, едва заметное головокружение. Словно гравитация на секунду изменилась.

— Элион? — тихо позвала я.

Ответа не было. Только легкий шипящий звук.

— Тир?

Тишина. Ком-линк мертв.

Паника, острая и мгновенная, ударила в виски. Я осталась одна. И в тот же миг я увидела, как капитан Марник, все еще стоя у колонны, медленно поднял на меня свой пустой взгляд. И губы его сложились в нечто, отдаленно напоминающее улыбку.

Он что-то сделал. Отключил связь. Изолировал меня.

И тогда я поняла. Мы думали, что охотимся. Но он просто ждал, пока мы сами придем к нему. И теперь клетка захлопнулась.

Глава 12

Тишина в ком-линке была оглушительной. Она обрушилась внезапно, как обвал в шахте, оставив в ушах лишь нарастающий звон. Я осталась одна посреди сияющей, болтливой толпы, а по ту сторону — лишь мертвая, безжизненная пустота. Пустота и капитан Марник, чья застывшая, вежливая улыбка, обращенная к послу, была в тысячу раз страшнее любой гримасы откровенной ненависти.

Они попали в засаду. Мысль пронзила сознание, острая и холодная, как лезвие. Тира и Элиона либо уже нейтрализовали, либо они были сейчас в таком же положении, как и я — отрезаны от связи, изолированы в самом эпицентре вражеского пира.

Я заставила себя отвести взгляд от Марника, поднести к губам бокал и сделать крошечный, церемонный глоток. Игристая жидкость обожгла горло, но не смогла растопить лед в груди. Я изображала безразличие, легкую скуку на балу, но внутри все кричало от животного ужаса. План, такой хрупкий и дерзкий, рухнул, едва успев начаться. Я была приманкой, которую хладнокровно оставили в самой пасти хищника.

Свет в зале снова заиграл, мягко меняя оттенки, речь посла подошла к концу под вежливые аплодисменты, и оркестр заиграл медленный, томный вальс. Толпа оживилась, зашепестела тканями, и пары устремились на центральный паркет, закружась в сложном танце. И сквозь этот пестрый, движущийся поток ко мне, неспешно, словно сквозь густую, тягучую воду, пробирался Марник. Его глаза, холодные и пустые, были прикованы ко мне.

Бежать? Но куда? Все выходы были там, за толпой, на которую он сейчас опирался своим безмятежным видом. *Кричать?* Поднять панику? Меня сочтут сумасшедшей, истеричной курсанткой, чья репутация и без того висела на волоске. Все знали старую Аэллу, все ее ненавидели или презирали. Никто не поверил бы мне.

— Мисс Авалор, — его голос, низкий и безжизненный, прозвучал прямо у моего уха. Я вздрогнула, не в силах скрыть реакцию. Он подошел бесшумно, как призрак. — Позвольте пригласить вас на танец. В честь вашего... чудесного выздоровления и возвращения в строй.

Это был не вопрос, а приказ, замаскированный под светскую любезность. Его рука, холодная даже через тонкую ткань перчатки, уже легла на мою талию, властно направляя меня к танцполу. Я оказалась в ловушке. Отказаться — значит проявить слабость, признать страх, выказать, что его присутствие меня тревожит. А это, я чувствовала каждой клеткой, было именно то, чего он ждал.

— С удовольствием, капитан, — выдавила я, заставляя губы растянуться в подобие улыбки и кладя свою руку ему на плечо. Его мундир под пальцами был жестким и негнушимся, как доспех.

Мы закружились в потоке пар. Его движения были безупречны, выверены до миллиметра, но в них не было ни капли жизни, лишь механическая точность. Он вел меня с такой непрекращаемой силой, что не оставалось сомнений — в этом танце я была его пленницей, марионеткой, чьи нити он дергал по своей воле.

— Вы очень... изменились, мисс Авалор, — произнес он, его пустые, стеклянные глаза смотрели куда-то сквозь меня, в какую-то далекую, невидимую точку. — Прежде вы отдавали предпочтение более ярким, кричащим краскам. И более... податливым кавалерам.

— Вкусы меняются, — парировала я, пытаюсь совладать с предательской дрожью в коленях и выровнять дыхание. — Как и обстоятельства. Некоторые события... заставляют пересмотреть приоритеты.

— Обстоятельства, — он повторил это слово медленно, будто пробуя его на вкус, растягивая каждый слог. — Да. Иногда одно-единственное, катастрофическое событие может полностью переписать личность. Словно стирают старый текст с пергамента. Чтобы написать новый.

Его слова висели между нами в воздухе, тяжелые и полные скрытого, смертоносного смысла. Он *знал*. Он не мог не знать. Он намекал на симулятор, на мое «преображение». Он играл со мной, как кошка с мышью.

— А что насчет вас, капитан? — я решила перейти в наступление, отчаянная попытка выбить его из равновесия. — Что способно стереть личность до такого... идеального, безупречного нуля? Что оставляет после себя лишь пустоту в форме человека?

На мгновение его пальцы впились мне в талию с такой силой, что у меня перехватило дыхание и в глазах потемнело. И в его глазах, тех самых пустых и холодных, на долю секунды вспыхнула и погасла искра чего-то древнего, чужого и безмерно, первозданно злого. Не человеческая злоба, а нечто куда более страшное.

— Некоторые вещи не стирают, мисс Авалор, — его голос стал тише, почти интимным, но обрел металлическую, режущую остроту. — Они... замещают. Занимают освободившееся пространство. Навсегда.

В этот момент музыка стихла, оборвавшись на высокой ноте. Танец окончился. Он отпустил меня так же внезапно, как и взял, отступил на безупречно выверенный шаг и склонился в формальном, холодном поклоне.

— Благодарю вас. Было... невероятно познавательно.

И прежде чем я успела найти слова для ответа, он развернулся и растворился в толпе, словно его и не было. Он оставил меня стоять одну посреди сияющего зала, с леденящим душу сознанием, что это была не проверка и не игра. Это было послание. Предупреждение, высказанное на языке танца.

Он показал мне, что контролирует ситуацию полностью. Что он может дотянуться до меня где угодно — даже в самом сердце официального приема. И что то, что скрывается за безупречной маской капитана Марника, не просто враждебно. Оно — принципиально иное.

Внезапно ком-линк в моем ухе прошипел и ожил.

— Аэлла! — это был голос Тира, сдавленный и напряженный. — Что случилось? Мы потеряли связь!

— Он... — я с трудом выдавила слово, все еще чувствуя ледяное прикосновение его перчаток. — Он был здесь. Он знает.

— Где ты? Не двигайся. Я иду за тобой.

Но я уже не слушала. Я смотрела на то место, где исчез Марник, и понимала, что игра только что перешла на новый, куда более опасный уровень. Мы больше не охотились на шпиона. Мы столкнулись с чем-то, что лишь притворялось человеком. И наша первая схватка закончилась его безоговорочной победой.

Глава 13

Я стояла, прислонившись к холодной, гладкой стене в стороне от танцующих, все еще чувствуя на талии ледяное, будто неживое, прикосновение Марника. Голос Тира в ком-линке, который наконец-то прорвался сквозь помехи, звучал как далекое, искаженное эхо, не в силах рассечь оцепенение, сковавшее мои мысли и тело.

Внезапно чья-то рука легла мне на плечо. Я вздрогнула и резко, почти инстинктивно, обернулась, готовая к новой угрозе.

Тир. Он стоял передо мной, его гребни пульсировали тревожным, яростным багровым, а в золотистых глазах, обычно таких сдержанных, бушевала настоящая буря. Он смотрел на меня с такой интенсивностью, что казалось, он пытался просканировать мою душу.

— Что случилось? — его голос был тихим, приглушенным гулким шумом зала, но в нем kloкотала едва сдерживаемая ярость. — Он сделал что-то? Сказал что-то? Я видел, как он вел тебя.

— Танец, — выдохнула я, с трудом собирая разбегающиеся мысли в кучу. Слова путались, вырываясь обрывками. — Он пригласил меня на танец. И сказал... что некоторые вещи не стирают, а замещают. Навсегда.

Тир замер, его лицо стало абсолютно непроницаемой каменной маской, но в глазах буря лишь усилилась. В этот момент к нам, бесшумно скользя, как тень, подошел Элион. Он выглядел бледнее обычного, его серебристая кожа отливала мертвенным серым, а большие черные глаза были неестественно расширены.

— Это был не просто джаммер или блокировка, — без предисловий начал он, его обычно ровный голос дрожал от сдержанного возбуждения, почти страха. — Я провел быстрый скан. Это был направленный пси-импульс. Короткий, невероятной мощности. Точечный. Он не заглушил связь, он выжег каналы в нейронных контурах ком-линков в радиусе десяти метров вокруг вас. Сжег дотла. Такой технологии... — он покачал головой, — у нас нет. Ни в Федерации, ни у наших союзников.

— А у Коргав? — отрывисто спросил Тир, не отрывая от меня пристального взгляда, будто боясь, что я рассыплюсь.

— Нет, — Элион ответил быстро и уверенно. — Абсолютно точно нет. Это не их почерк. Их методы грубы, как дубина. Это... это что-то другое. Кто-то... *другой*. И этот кто-то только что продемонстрировал нам, что его возможности превосходят все, с чем мы сталкивались.

Мы стояли втроем, образуя маленький островок в море чужих веселящихся людей. Осознание нависшей над нами угрозы было таким же тяжелым и неоспоримым, как гравитация.

— Он играет с нами, — тихо прошептал Тир. Его пальцы сжали мое плечо чуть сильнее. — Он показал, что может дотянуться до тебя даже здесь, под самым нашим носом. Он демонстрирует силу.

— И мы не можем ответить, — добавил Элион. — Мы даже не знаем, что он такое.

Я закрыла глаза, пытаясь заглушить панику, и сосредоточилась на том, что знала лучше всего — на логике, на анализе. Учительница физики в теле дипломата. Может быть, в этом и был ключ?

— Он сказал «замещают», — проговорила я, открывая глаза. Они оба смотрели на меня. — Что, если это не метафора? Что, если капитана Марника... заместили? Что, если это не человек?

Тир резко выдохнул. — Телепатический контроль? Паразит? Голограмма?

— Нечто более совершенное, — возразил Элион. — Его эмоциональное поле... это не контроль. Это отсутствие. Как будто человек — это просто оболочка, шкура, натянутая на пустоту.

Ледяная полоса прошла у меня по спине. Мы сражались не с предателем. Мы сражались с неведомой формой жизни, которая умеет идеально мимикрировать.

— Нам нужны доказательства, — сказала я, и голос мой окреп. Страх отступил, уступив место решимости. — Физические доказательства. Мы не можем обвинить офицера на основе «ощущения пустоты».

— Как ты предлагаешь их добыть? — Тир смотрел на меня с новым, оценивающим интересом.

— Он прикоснулся ко мне, — я показала на свое плечо, где все еще чувствовалось ледяное давление его пальцев. — На моем платье, на коже... могли остаться следы. Частички. Что-то, что не принадлежит человеку.

Элион тут же достал небольшой портативный сканер.
 — Дай мне руку.

Он провел прибором над моей кожей. Сканер запищал. На экране замигал значок — обнаружено неизвестное вещество.

— Есть, — прошептал Элион, и в его голосе прозвучала торжествующая нота. — Микроскопические частицы. Биологического происхождения, но... структура ДНК не соответствует ни одной известной расе в архивах.

Тир оскалился в улыбке, в которой не было ни капли веселья.
 — Игра начинается заново. Теперь у нас есть улика. И мы знаем, что ищем.

— А он знает, что мы что-то нашли, — добавила я, глядя на сканер. — Он почувствует, что мы не остановимся.

— Пусть чувствует, — Тир взял меня под руку, и его прикосновение на этот раз было твердым и обнадеживающим. — Теперь мы идем не слепые. У нас есть образец. И у нас есть ты.

Мы вышли из сияющего зала, оставив за спиной музыку и смех. Мы шли по пустынному коридору, и тишина вокруг была звенящей. Но теперь это была тишина перед бурей, которую мы готовились обрушить на того, кто посмел принять человеческий облик. Охотники снова вышли на тропу. И на этот раз у них был запах добычи.

Глава 14

Образец, добытый Элионом в том проклятом отсеке, был немедленно помещен в многослойный карантинный бокс в его стерильной лаборатории. Крошечная частица чужеродной биоматерии, размером с ноготок, лежала в центре под лучами мощных сканеров. Она медленно пульсировала тусклым фиолетовым светом, словно живое, больное сердце, бьющееся в такт неведомой тьме. Ее поверхность переливалась, меняя текстуру от слизистой до хитиновой, будто не в силах решить, какой облик принять.

Мы втроем стояли за прозрачным неопрененным щитом, наблюдая, как Элион, погруженный в транс, пытается взломать генетический код этой твари. Воздух был густ от запаха озона и напряжения.

— Структура нестабильна на фундаментальном уровне, — бормотал он, его пальцы с нечеловеческой скоростью летали над сенсорной панелью, вызывая на голографических экранах водопады шифрующихся данных. — Она постоянно мутирует, пытаясь адаптироваться к любой предложенной среде. Универсальный паразит. Это... невероятно с биологической точки зрения. И ужасающе с любой другой.

— Можно ли отследить источник? — спросил Тир, не сводя холодных глаз с пульсирующей капли. Его гребни были окрашены в тревожный багровый оттенок. — Планету происхождения? Хотя бы сектор, где могла сформироваться такая... жизнь?

— Теоретически... возможно, — Элион не отрывался от экранов, запуская новый, еще более сложный алгоритм сравнительного анализа. — Если я смогу выделить базовую, неизменную цепочку в этом генетическом хаосе. Ту самую, что содержит изначальную, неискаженную информацию. Но для этого нужно поймать момент стабильности, а он... — он качнул головой, — мимолетен. Это займет время. Которого, я опасаюсь, у нас не так много. Каждый скачок этой субстанции делает ее чуть более... совершенной в своей разрушительной цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.